

Пролог

ы — последний из последних. И ты обязан
дойти.
Угу.

Мир изменился. Человеческая раса в опасности. На земле больше не рождаются дети. Он — последний из последних, родившихся до того, как все случилось... Кирилл украдкой подавил зевок. Столько раз слышал эти слова, что выучил даже интонацию, с которой они произносились. Скучно кивнул. И спросил о том, что действительно беспокоило:

— А адапт? Он тоже уже здесь?

— Конечно. Завтра познакомитесь. Держись, мой мальчик. — Сергей Евгеньевич потрепал Кирилла по волосам. — Отдыхай, перед походом тебе нужно набраться сил. Спи.

Кирилл проводил наставника взглядом. Подождал — взрослые люди коварны. А потом включил ночник и развернул на коленях чистый блокнот. Поставил дату.

«Завтра — начало великой миссии», — вывел первую строчку.

До сих пор ведением дневников не увлекался, но событие такого масштаба обязывало. Все уважающие себя путешественники вели дневники. Подумал, зачеркнул и написал: «Великой Миссии».

«Я готов к любым тяготам и лишениям. Что бы ни случилось, я...» — задумался, как бы покрасивее написать.

«Отдам свою жизнь, хотя она...»

Так слишком длинно получится.

«Отдам свою жизнь, несмотря на то, что...»

На что — на то?

Кирилл вдруг почувствовал, что ручка выскальзывает из пальцев. Взрослые снова оказались хитрее.

Интересно, что за травы были в чае, которым его угостили перед сном? Зверобой?.. Сон-трава?.. Или...

Кирилл не додумал. Ручка выпала, а блокнот соскользнул под кровать.

— Спи, Кирюша. — Сергей Евгеньевич заставил себя отвернуться от монитора. — Спи... Когда-то еще будешь так сладко спать.

Глава 1

БУНКЕР

Проснувшись, Кирилл сразу увидел будущего напарника. Адапта.

Не сказать, чтобы раньше не встречал адаптов, они еженедельно привозили в Бункер продукты. Вадим Александрович пошутил как-то, что внешность их напоминает негативы старинных фотографий, и Кирилл немедленно полез выяснять, что такое «негатив». Тогда он над остроумным сравнением похихикал. Сейчас хихикать почему-то не хотелось.

Вблизи широко расставленные глаза адапта оказались светло-желтыми. Кожа — бурой, словно древесная кора, белые волосы — густыми и жесткими. Нос, должно быть, неправильно сросся после перелома — с заметной горбинкой, а брови напоминали два мазка побелки.

Адапт сидел по-турецки, поджав под себя ноги. Гардероб его состоял из застиранной майки, камуфляжных брюк и повязки на голове. На Кирилла будущий попутчик смотрел с недоумением.

— Офигеть — чучело, — низким, хрипатым голосом озвучил свои мысли он.

Так разговаривали все адапты, как будто были сильно простужены. Любовь Леонидовна утверждала, что это от ранней привычки к курению. Кирилл решил не обращать внимание на оскорбление — что возьмешь с варвара. Адапты ведь почти ничему не учатся, работают с малолетства.

— Меня зовут Кирилл.

— Да ладно? — не поверил парень. — Далеко зовут-то?

Кирилл, ожидавший, что собеседник тоже назовется, растерялся и замолчал.

Адапт немного посидел, разглядывая его, а потом вдруг одним быстрым движением оказался на ногах. Шагнул к Кириллу. Взял за плечо и поднял с койки.

Кирилл попытался вывернуться, но куда там! Пальцы варвара, похоже, ковали из железа. Он отодвинул Кирилла от себя, разглядывая с ног до головы. На писк: «Пусти, что ты делаешь!» — не отреагировал. Покачал туда-сюда. Помесил пальцами жидкий бицепс. Для чего-то потрогал за волосы — длинные, волнистые, Кирилл гордился ими. После чего отпустил, сплюнул в сторону и вышел.

— Але! — мгновение спустя донесся из коридора сиплый недовольный голос. — Живые есть?

* * *

— Дядя, ты прикалываешься? — уже со злостью повторил Рэд. — Никуда я с этим чмом не пойду! Оно ж не то что до Новосиба — до сортира не доползет! Ты неужто сам не видишь?

Сказать, что командир отряда был зол, означало ничего не сказать.

Целую неделю бункерные извращенцы гоняли его на полигоне. Потом заставили в бумажках чиркать — вопросов сто, не меньше — потом кровь вытягивали иглой, проводами облепили — так, что в ушах тикало...

Рэд терпел, даже почти не ругался — знал, что под землей с этим строго.

Герман сказал, что так надо, он и терпел. Не раз представлял себе будущего напарника, не знал, на кого и думать.

Ну, например, та, кучерявая, которая провода к нему клеила. Ничего так тетка — не старая, и на вид вроде крепкая. Вполне могла бы она пойти вместо этого уродца. Да вообще кто угодно — сейчас Рэду казалось, что на худой конец и Вадя сошел бы. Но это чучело! Где его только прятали?

Глаза с ушами Рэд привык держать открытыми. Думал, что всех обитателей Бункера видел. И на тебе...

— Не пойду, — отрезал он. — Выпускайте, мне пора. Обоз ждет.

Вадя вздохнул.

— Позволь напомнить — обоз ждет не только тебя! Он ждет вас обоих. Но ты меня слушать не желаешь, и из-за твоего упрямства приходится терять драгоценное время... Что ж, будем менять способ воздействия. Сиди здесь. — И вышел.

Рэд вскочил было следом, но поздно — умник запер дверь. Рэдрик хмыкнул. Дверь-то — левая,

не доски даже, а фанера. И замок — одно название, с полпинка вынести можно... Но решил пока не кипишить. Во-первых, за вынесенную дверь точно по головке не погладят. Во-вторых, вряд ли это надолго. Вернется Вадя, никуда не денется. Интересно даже, что еще придумает.

Но очкастый перехитрил. Он ничего больше не говорил, только слушал и кивал. А говорил другой человек, которого Вадя привел с собой — и лучше бы уж Рэд согласился сразу. Герман-то его с пеленок знал, насквозь видел.

— Я думал, ты в свою башку не только жрать можешь, — сердито ронял Герман. — Думал, соображаешь хоть чуть-чуть! Или ты считаешь, тут умней тебя никого нет? Не видит никто, что пацан — совсемдохлый?

Рэд молчал, набычившись, но Герман ответа и не ждал.

— Он такой — всего один, и другого взять негде, ясно? Взрослому не дойти, тебе ли не знать. А из молодых этот — лучший, другие еще слабее. Вовсе на поверхность выйти не смогут.

О как, — подумал Рэд. Стало быть, тут еще и «другие» есть? То есть, молодняк свой бункерные прячут, получается? Странно... На хрена?

— Так их тут, значит, много?

— Сколько надо, — отрезал Герман. — Не твое дело! Твое дело — пацана довести. Меня спросили, кто лучше всех справится, и я сразу про тебя сказал. ■ А ты истерики закатываешь, хуже бабы.

Рэд обиделся.

— Можно подумать, из-за себя дергаюсь! Ты этого убогого — видал хоть?

— Видал... Говорю тебе, остальные еще хуже. Рэд. — Герман пересел на койку к воспитаннику. — Я потому тебя и выбрал. Что сам дойдешь, не сомневаюсь, вот только дойти — не тебе нужно. Этого хлюпика убереечь надо и назад в Бункер притащить. Сколько у тебя походов? Двадцать?.. Больше?..

— Двадцать три. Больше всех, — не удержался Рэд.

— А сколько вас погибло? Сгорело, от ран умерло, Дикие убили?

— Не знаю, не считал.

— Во-во... А я считал! — взгляда Германа Рэд не выдержал, отвел глаза. — Я каждого помню. Мы вас вытащили пятнадцать лет назад и в Дом привели — почти сто человек! И двадцать семь в первый же год погибло. Это потом уже и Бункер нашли, и лекарства появились. Когда я вас стал в походы брать, только в бою да в завалах гибли... Но никто не сгорал. Сейчас вас шестьдесят четыре — с теми, кто потом прибился. И я за каждого голову положу, сам знаешь.

Рэд кивнул. Он знал. И любой у них в Доме знал. Что лучше Германа нет на свете человека. Рэд вдруг разглядел, как сильно выгорел командир — хотя вот уж года три, а то и больше, в походы с ними не ходил.

— А мне нельзя выбрать другого проводника? — Кирилл с надеждой смотрел на Сергея Евгеньевича. — Не такого... агрессивного?

Наставник покачал головой.

— Боюсь, что нет. Этот парень — решение Германа, не наше. Кроме того, не уверен, что другой адапт повел бы себя при знакомстве иначе.

— Хотите сказать, что Герман никого из них даже здороваться не учил? Только за плечи хватать да плевать?

— Кирюша... — Сергей Евгеньевич вздохнул. — Я ведь предупреждал. Не жди от адаптов того же уровня воспитания, что дали вам мы. Этих ребят растил Герман. А он не педагог и становиться им отнюдь не собирался.

— Знаю. Он спортсмен.

— Вот именно. Всю жизнь в хоккее играл, а не учебники штудировал. Это во-первых, а во-вторых — в день, когда все случилось, Герману всего-то семнадцать лет было.

— Как мне сейчас?

— Точно.

— Но вы ведь рассказывали, что и другие взрослые у них в Доме выжили? Когда все случилось?

— Поначалу — да. А потом...

Вспоминать первые страшные годы взрослые не любили, рассказывали о них скупое. Кирилл знал лишь то, что в Доме Малютки — так называлось

обиталище будущих адаптов — в день катастрофы Герман оказался случайно. Зашел к матери, работавшей в этом самом Доме завхозом.

Мать на заднем дворе принимала у доставщиков продукты. А Герман шел по коридору, направлялся к канцелярии — хотел попросить, чтобы для него распечатали какой-то документ. Потянул за ручку двери и в этот момент все случилось.

Полыхнуло нестерпимо-ярким светом — катастрофу все взрослые описывали одинаково — он ослеп и упал.

Мать Германа погибла. Как и весь почти персонал Дома Малютки. А дети выжили — кроме тех, чьи кровати стояли под самыми окнами. Всего набралось девятнадцать взрослых на сотню малышей. Не стонущих от ожогов и не ослепших — восемь.

Из трехэтажного панельного здания выжившие перебрались в другой Дом, старинный монастырь у «святого» источника, поближе к природной воде. А через месяц у ворот Института появилась девушка по имени Гюзель — до того, как все случилось, работавшая в Доме Малютки посудомойкой. Она легче всех соратников переносила наступившую вокруг удушливую жару.

Посланница пробиралась к Институту не одну ночь. И в последнюю не рассчитала силы.

«Если бы я не был убежденным агностиком, — горько вывел тогда в дневнике Сергей Евгеньевич, — я бы решил, что человеческий род прокляли».

Увиденное сутки назад изображение девушки с растрепанной косой, отчаянно вцепившейся в прутья ворот — за тем, что происходит на поверхности, следили бункерные камеры, — до сих пор стояло перед глазами.

Со стороны здание Института выглядело таким же мертвым, как прочие вокруг, о существовании под землей Бункера Гюзель не знала. Сложно сказать, на что она надеялась, расшатывая запертые ворота.

«Помогите! Милосердный Аллах, вы не умерли! Вы не должны умереть! Помогите!» — за спиной у девушки страшно и неотвратимо наливалось рассветом небо.

Спасти отважную посланницу не удалось: Гюзель умерла от ожогов через три часа в бункерной клинике.

Сергей твердо знал, что вслух эти слова не произнесет никогда. Он не должен так говорить и не должен так думать. А бумага... Что ж. Бумага все стерпит.

«...Чем больше мы узнаем о новом мире, тем все более хочется отвернуться и забыть то, что узнали. Исчезнуть и не возвращаться никогда. Зажмуриться, пропасть...

Каждое новое знание приносит новые загадки. То, что происходит, противоречит всем доселе известным биологическим законам! Дело ведь не только в излучении. Вспышка была и закончилась. Солнечный спектр после этого изменился — пусть... Но почему излучение действует столь избирательно?

Почему большинство животных, в первые дни слепнувших и страдавших от ожогов не меньше людей, сейчас адаптировались к новым условиям и прекрасно себя чувствуют?

Почему лопухи начали догонять по росту молодые деревья, а корнеплоды в размерах не изменились?

Почему так плохо растут зерновые, в то время как сорная трава колосится лучше прежнего?

Почему, наконец, в первую очередь солнце убило взрослых — здоровых и сильных, а уцелели дети — слабые и беззащитные? Вопреки всем законам природы — почему?!

Что не так со взрослыми людьми? Отчего на них внезапно обрушиваются болезни? Судя по словам Пюзели, безобидная аллергия переходит в астму. Невинные родинки оборачиваются злокачественными опухолями. Из девятнадцати выживших в их общине взрослых сейчас осталось четырнадцать. Пятеро умерли в течение месяца, двое тяжело болеют — Григорий предполагает, что это рак... Откуда такая напасть?..»

Записывая это, о главном кошмаре человеческого рода — необъяснимом сбое репродуктивной функции — Сергей еще не знал.

